

Часть первая

Джесс

Понедельник, 11 января 2016 года

Одну-две секунды я ощущаю плохой запах, исходящий у него изо рта, а потом чувствую, как он кладет ладонь на мою задницу. Странно, но почему-то у тех, кто норовит потереться об представителей противоположного пола в общественном транспорте, почти всегда какие-то проблемы с личной гигиеной.

— В чем дело? — кричу я и оборачиваюсь, чтобы оказаться к нему лицом.

Люди, толкущиеся возле турникета, тут же отступают в сторону. Пассажиры, регулярно совершающие поездки из пригорода в город и обратно, ненавидят конфликты в транспорте даже больше, чем опоздания поездов и автобусов.

Этот мужчина с дурным запахом изо рта и чрезмерно проворными руками, похоже, не ожидал подобной реакции. Он поспешно смотрит по сторонам, явно желая свалить вину на кого-нибудь другого.

— Не надо увиливать, это сделали именно вы — мужчина средних лет в блестящем сером костюме. Тащитесь от того, что лапаете женщин за задницу, да?

Он, переступая с ноги на ногу, смотрит в пол, а затем устремляется к турникету.

— Ну да, вы торопитесь на работу. Готова поспорить, что женщины в вашем офисе ждут вас не дождутся. В следующий раз попридержите свои грязные лапы, хорошо?

Я оглядываюсь и вижу, что Сейди смотрит на меня, подняв бровь.

— Что? — говорю я. — Могу тебе сказать, что он еще легко отделался. Тут вообще полно их таких — всяких козлов.

Путь к турникету теперь свободен. Я прохожу через турникет и жду Сейди на другой стороне.

Передо мной останавливается молодой парень с темными волосами.

— Классно вы его обломали, — говорит он с улыбкой. — Хотите, я догоню и уделаю его ради вас?

Парень этот одет в куртку сливового цвета поверх белой футболки — как будто он по ошибке принял понедельник за «вольную пятницу»¹.

— Чего я хочу — так это чтобы все представители мужского пола пошли к черту и перестали меня донимать.

Улыбка исчезает с его губ.

— Понял, — говорит он и уходит прочь.

— Зачем ты так себя повела? — спрашивает Сейди, тарачась на меня. — Он всего лишь пытался быть любезным.

— Ну, иногда это не сразу и поймешь.

Сейди качает головой:

— Вот и я тебя не понимаю. Сегодня что, объявлен общенациональный день по откусыванию кому-нибудь головы или что-то в этом роде?

— Предменструальный синдром и голод — это всегда плохое сочетание. Пошли, мне необходимо купить еды.

Завтрак (я ненавижу слово «бранч»², а потому отказываюсь называть так этот прием пищи, даже если он начинается после десяти тридцати) применительно ко мне состоит из огромного маффина с голубикой (который, я надеюсь, зачтется как первый из пяти моих ежедневных приемов пищи) и баночки напитка «Танго» (который, возможно, зачтется как второй). Мама когда-то говорила мне, что настанет день, когда я уже не смогу есть подобное дерьмо так, чтобы это не отражалось на моей внешности. Я восприняла эти слова как «зеленый свет» для поглощения как можно больше такой пищи, пока я все еще могу делать это без каких-либо негативных последствий.

¹ «Вольная пятница» — пятница, в которую в некоторых компаниях работникам разрешается носить не установленную для данной организации официальную форму, а обычную повседневную одежду.

² Бранч — плотный поздний завтрак.

Стоя в очереди к кассе, я слышу приближающиеся шаги. Сейди слегка толкает меня локтем. Я поднимаю взгляд. Парень, который намеревался «уделать» мужчину, тронувшего меня за задницу, стоит неподалеку, держа в руке букет цветов. Причем оформлен этот букет очень красиво. Такие букеты, по-моему, называют «связанными вручную», хотя я никогда не видела, чтобы букеты связывали с помощью какого-то механизма.

— Извиняюсь за свои предыдущие слова, — говорит он. — Это от имени мужского пола. Чтобы продемонстрировать, что не все мы придурки.

Разговоры в очереди стихают. Я чувствую, что мои щеки становятся такими же красными, как розы в букете.

— Спасибо, — говорю я, беря у парня розы. — Но вообще-то не было необходимости это делать.

— Я знаю, но мне захотелось так поступить. А еще я хочу пригласить вас на ужин, но не уверен, что это не вызовет у вас бурную негативную реакцию, поэтому я положил в цветы свою визитную карточку. Позвоните мне, если вам захочется принять мое предложение. И спасибо за то, что украсили мне сегодняшнее утро.

Он поворачивается и идет прочь одной из тех в высшей степени самоуверенных походок, которые граничат с явно пижонским поведением.

— Я тебя ненавижу, — говорит Сейди. — Не могу понять, почему в качестве лучшей подруги я выбрала того, кому незнакомцы дарят цветы.

— Ты меня не выбирала, — отвечаю я. — Это я тебя выбрала, помнишь? Главным образом потому, что у тебя был самый лучший пенал.

— Пусть так. Но я все равно тебя ненавижу. Тебе даже не приходится прилагать никаких усилий. Ты ходишь в пуховике, лосинах и ботинках «ДМ»¹, но тем не менее шикарный незнакомец приглашает тебя на свидание.

¹ Ботинки «ДМ» («Док Мартенс») — ботинки на шнурках с толстыми легкими подошвами.

— Я, возможно, ему не позвоню, — говорю я, понижая голос, потому что замечаю, как люди в очереди прислушиваются к нашему разговору.

— Тогда ты даже большая недотепа, чем я думала.

— Ну, во всяком случае я не стану звонить ему прямо сейчас.

— Хочешь немного поломаться, да?

— Нет. Я просто умираю от голода и не буду делать вообще ничего до тех пор, пока не запишаю себе в рот маффин с голубикой.

Сейди улыбается мне и затем бросает взгляд на цветы. В нем кроме роз есть лилии и другие цветы, названий которых я не знаю.

— Они, наверное, стоили ему немалых денег, — говорит она.

— Значит, жаль, что он не знал, что меня вполне устроил бы и маффин с голубикой, — отвечаю я.

Сейди смеется. Я невольно сжимаю букет чуточку сильнее.

Центр города Лидс — такой, каким он обычно бывает утром в понедельник: серый, пасмурный и слегка загаженный после уик-энда. Когда я останавливаюсь у перекрестка, кто-то сует мне в руку экземпляр бесплатного журнала. Я беру его, но не потому, что мне хочется его прочесть, а потому, что мне жаль человека, которому приходится вставать на рассвете и идти совать журналы в руки раздражительных пассажиров, едущих из пригорода на работу в центр города. Переходя улицу, я сворачиваю журнал в трубочку и засовываю его в боковой карман рюкзака. Женщина, идущая передо мной, несет свою большую сумку на согнутой правой руке — чтобы было легче. Я едва удерживаюсь от соблазна сказать ей, что она похожа на куклу Барби, у которой какой-то маленький мальчик вывернул руку. Я уверена, что если женский пол будет продолжать в том же духе, то рано или поздно младенцы-девочки начнут рождаться с уже изогнутой правой рукой и акушерки смогут сразу вешать на них большие сумки.

Сейди, посмотрев туда, куда смотрю я, с понимающим видом улыбается мне. Мы обе — убежденные сторонницы того, что вещи нужно носить не в сумках, а в рюкзаках.

— Интересно, на работе покажут какой-нибудь фильм в память о Боуи или нет, — говорит Сейди. — Например, «Лабиринт» и «Абсолютные новички»¹.

— Да, интересно, — говорю я. — Готова поспорить, что очень многие люди пришли бы, если бы стали показывать какой-то из этих фильмов.

Я решаю не говорить Сейди, которая почти все время, пока мы ехали на поезде, разглагольствовала о Дэвиде Боуи, что мне это все уже надоело. Каждый раз, когда я захожу в «Фейсбук», в нем полно публикаций, в которых люди отдают свою дань уважения ушедшему из жизни Боуи так, будто они были с ним лично знакомы и понесли в результате его смерти личную утрату. При этом они вряд ли задумываются о том, какие чувства испытывает тот, кто в самом деле потерял любимого человека. Может, даже самого важного человека в их жизни.

Мы сворачиваем с тротуара в сравнительную теплоту торгового центра. Кому-то пришла в голову блестящая мысль не делать у этого здания боковых стен, а потому зимой людям, сидящим за наружными столиками ресторанов, приходится оставаться одетыми в пальто и шарфы, хотя формально эти люди находятся *внутри* торгового центра.

Я иду вслед за Сейди к эскалатору и еду на нем вверх. Кинотеатр находится на этаже, предназначенном для «праздного времяпрепровождения», — там, где расположены и все рестораны. Устроен этот кинотеатр довольно нетрадиционно: в нем стоят диваны, и зрители могут заказать себе пиццу и другую еду, которую им принесут туда, где они сидят и смотрят фильм. Я именно этим обосновываю то, что работаю

¹ «Лабиринт» и «Абсолютные новички» (*Labyrinth* и *Absolute Beginner*) — фильмы, в которых снялся Дэвид Боуи — британский рок-певец и автор песен.